

Ключ тихо повернулся в замке. Освободившись от задвижки, дверь со скрипом медленно отошла от косяка.

Сотрудница обернулась, протянула ключ Цзян Лэ и с улыбкой кивнула.

— Приятного заселения.

Сказав это, она развернулась и ушла.

Цзян Лэ сжал в ладони ключ с номером 302. До него доносились шаги сотрудницы, спускавшейся по лестнице. Сам он вошёл в квартиру 302. Площадь внутри была небольшой, и уже с порога просматривалось всё помещение.

Это была маленькая двухкомнатная квартира с гостиной, кухней, ванной, главной и гостевой спальнями, а также балконом. По отделке было видно, что ремонту, вероятно, уже лет десять с лишним. И мебель, и бытовая техника несли на себе следы времени.

Цзян Лэ почувствовал, будто случайно вторгся в чужой дом. Следы жизни здесь были такими густыми, словно в любой момент кто-то мог открыть дверь позади него и с подозрением оглядеть чужака.

Но если присмотреться, здесь действительно давно никто не жил.

В двухдверном холодильнике не было ни крошки еды. Банка для чая под журнальным столиком была пустой. В шкафу спальни лежали только два комплекта постельного белья. На балконе на верёвке одиноко висела вешалка для одежды.

Цзян Лэ обошёл квартиру и вернулся к входу. В углу за дверью были глубокие следы, будто что-то когда-то отчаянно царапало это место. Их закрасили краской, и если не смотреть внимательно, заметить было невозможно. Возможно, это была единственная деталь всей квартиры, которая связывала её с концом света.

— Цзян Лэ! Цзян Лэ! — снизу донёсся голос Вэнь Цуньина.

Цзян Лэ вышел на балкон и посмотрел вниз. Их взгляды встретились, Вэнь Цуньин поднял руку и жестом показал:

— Пойдём погуляем?

Цзян Лэ согласился, спустился и вместе с Вэнь Цуньином покинул микрорайон.

Он заметил, что детская площадка, где только что слышался шум, теперь совершенно стихла. Похоже, дети уже разошлись по домам.

Сквозь зелёные насаждения и дома до Цзян Лэ донёлся детский голос:

— Дедушка, что мы сегодня вечером будем есть?

— Свинину хуншао! — с улыбкой ответил где-то на первом этаже старческий мужской голос.

Шаги Вэнь Цуньина были лёгкими, а в голосе звучали мечты о будущем:

— Когда я привезу сюда младшего брата, жизнь станет идеальной.

Они быстро дошли до торгового центра «Байда». Реклама здесь была совсем новой, но напечатали её к мероприятиям на Циси[1], а дата никак не соответствовала нынешнему времени.

Увидев, что взгляд Цзян Лэ задержался, Вэнь Цуньин тоже небрежно посмотрел туда и сказал:

— Наверное, это ещё до конца света висело. Просто так и не сняли.

Цзян Лэ не ответил, но в сердце не согласился с этим выводом. В мире, где всё было наполнено элементами прежнего времени, каждая деталь явно стояла на своём месте. Поэтому ошибки вроде «забыли снять рекламу» здесь быть не должно.

На первом этаже торгового центра стоял детский сценический помост для мероприятий. Перед ним рядами стояли скамейки. Недалеко от сцены красовался новый электромобиль, служивший рекламным образцом. Вокруг располагались ювелирные и люксовые магазины. Товары внутри всё ещё были на месте. В одной-двух витринах, куда попадал солнечный свет снаружи, бриллиантовые кольца за стеклом прилавков ослепительно сверкали.

Но двери этих магазинов были плотно закрыты.

Торговый центр был открыт, однако людей, кроме Цзян Лэ и Вэнь Цуньина, почти не было. У эскалаторов и лифтов висели таблички «на ремонте». Цзян Лэ и Вэнь Цуньин могли подниматься наверх только по обычной лестнице через аварийный выход.

На втором этаже магазины тоже были закрыты, но через стекло можно было разглядеть одежду, обувь и носки, выставленные в нескольких спортивных брендах. Вэнь Цуньин стоял у двери и, глядя через стекло, указал на одну пару обуви:

— Мой младший брат тогда очень хотел такие.

Он потёр руки.

— Тогда я ему не купил, а теперь обязательно надо найти шанс спросить, сколько они стоят. Нужно купить ему.

Только на третьем этаже открытых магазинов наконец стало больше.

Несколько магазинов детской одежды, игровой зал, а также одна чайная с молочным чаем были открыты. Здесь наконец появились и другие люди. В основном это были родители с детьми. Кто-то играл в игровой зоне, кто-то примерял одежду в магазине детских товаров. Продавцы были одеты профессионально и аккуратно, а к клиентам относились очень внимательно.

— Я пойду спрошу, когда у них магазины внизу открываются! — сказал Вэнь Цуньин и рысью побежал туда. Через некоторое время он вернулся.

— Что сказала? — спросил Цзян Лэ.

Хотя он стоял боком к той стороне, он всё равно чувствовал, что продавщица украдкой их разглядывает.

Вэнь Цуньин ответил:

— Она только спросила, сегодня ли я вошёл в город. Я сказал, что да. А она сказала, что через несколько дней откроются. Когда именно, не сказала. Ну ладно, подожду, потом будет время, зайду посмотрю.

Он проследил за взглядом Цзян Лэ и понял, что тот смотрит на одну когда-то очень известную сетевую чайную.

— Ох ты ж, я это уже восемьсот лет не пил! Пойдём, посмотрим.

Цзян Лэ медленно пошёл за Вэнь Цуньином, который почти побежал. В чайной была только одна продавщица. Когда они приблизились, она тут же улыбнулась профессиональной улыбкой.

— Добро пожаловать.

— Что у вас тут можно заказать? — спросил Вэнь Цуньин, одновременно подтягивая к себе меню на стойке.

— Всё, что есть в меню, можно заказать, — с мягкой улыбкой сказала девушка-продавщица. Черты лица у неё были приятными.

Взгляд Цзян Лэ опустился с её лица на обувь, затем снова поднялся и остановился на руках. Руки продавщицы были тонкими и белыми, даже ногтевые ложа выглядели очень аккуратно.

— Да тут всего две позиции... — пробормотал Вэнь Цуньин.

И правда, меню выглядело большим листом, но большинство позиций было зачёркнуто горизонтальными линиями. Остались только фирменный рожок с мороженым и жемчужный молочный чай.

Но в любом случае, уже сам факт, что здесь можно было что-то заказать, казался достаточно невероятным. Вэнь Цуньин ткнул пальцем в жемчужный молочный чай.

— Мне две чашки этого. Как платить?

Он достал из кармана маленькую горсть кристаллических ядер, но девушка-продавщица сказала:

— У нас принимают только юани.

— А? — Вэнь Цуньин остолбенел. — Да откуда они у меня?

После краха порядка прежние деньги очень быстро стали макулатурой. Твёрдой валютой были кристаллические ядра. Кто бы подумал, что здесь всё ещё нужны юани?

Вэнь Цуньин уже заподозрил, что это продавщица нарочно к нему придирается и просто не хочет им ничего продавать.

Но Цзян Лэ так не считал. Когда родители в магазине детской одежды расплачивались, они тоже доставали бумажные деньги. Вэнь Цуньин, расстроившись, уже собирался уходить и отступил на полшага, но почувствовал, что рука Цзян Лэ упёрлась ему в плечо.

Вэнь Цуньин обернулся и увидел, что на лице Цзян Лэ появилась успокаивающая улыбка.

— Ничего, у меня есть.

Цзян Лэ снял со спины чёрный рюкзак, сунул руку внутрь, порылся и достал несколько десятиюаневых купюр. Всё это он носил с собой ещё до конца света. После конца света деньги лежали в системном складе, а теперь он просто вытащил их.

Продавщица приняла деньги и с улыбкой сказала:

— Подождите немного.

Затем отвернулась и начала готовить молочный чай.

Сс-с.

Цзян Лэ повернул голову на звук и увидел только маленький кусочек тонкого хвоста, исчезнувший за колонной.

Ингредиенты для молочного чая были простыми, поэтому вскоре дело дошло до запайки стаканов. Увидев, что продавщица берёт лёд и кладёт его в стакан, Вэнь Цуньин поспешно сказал:

— Нам комнатной температуры.

Хотя уже наступила весна, погода ещё никак не была жаркой. Напиток комнатной температуры и так был почти ледяным, незачем было дополнительно добавлять кубики.

Но слова Вэнь Цуньина не остановили движения продавщицы. Не оборачиваясь, она сказала:

— В этот напиток обязательно добавляется лёд, выбрать нельзя.

На лице Вэнь Цуньина появилось недоумение, но, подумав, он решил, что это не такое уж большое дело, и больше ничего не сказал.

Цзян Лэ молчал ещё упорнее, всем видом спокойно принимая любые правила.

Молочный чай оказался у них в руках. Очень скоро запаянные крышки проткнули трубочками. Вэнь Цуньин за несколько глотков выпил полстакана, на лице его появилось невероятное удовлетворение.

— Вот тот самый вкус!

Цзян Лэ тоже попробовал. Молочный вкус был насыщенный, жемчужины внутри мягкие, тягучие и упругие. Это был вполне годный базовый молочный чай. Во вкусе не было ничего неправильного. Если вдруг там был яд или что-то подобное, Цзян Лэ с оптимизмом подумал, что обычный яд на его нынешнее тело, скорее всего, не подействует. А если и подействует, можно будет дать мутировавшему женьшеню посмотреть, пусть удовлетворит свою врачебную страсть.

Выше располагалось ещё больше заведений общепита. Но большинство только ярко светили вывесками и выставляли заметную рекламу у входа. По-настоящему работал лишь один сетевой ресторан сычуаньской кухни. У дверей стоял сотрудник.

Хотя очереди не было, перед рестораном всё равно стояли два ряда лавок для ожидающих клиентов, а также конфеты и другие мелкие закуски.

Под взглядом сотрудника Вэнь Цуньин осторожно протянул руку, взял одну мандариновую конфету, очистил и отправил в рот. Сотрудник всё это время не говорил и никак не реагировал, только когда Вэнь Цуньин приблизился, вежливо сообщил:

— Простите, сейчас не время приёма пищи, временно не обслуживаем.

Вэнь Цуньин выбросил пустой стакан из-под молочного чая в мусорное ведро. Они стояли на переходе; рядом стояло несколько неработающих массажных кресел, а они смотрели вверх.

Судя по указателям, наверху находились KTV[2] и кинотеатр. Эти два заведения делили между собой последний этаж.

Из-за крайне скудного освещения весь торговый центр был погружён в темноту, поэтому особенно заметным казался свет, смутно пробивавшийся из кинотеатра. В воздухе даже чувствовался запах попкорна.

Стоило выйти с лестничного пролёта, как у входа в кинотеатр открывались большие постеры: боевик, артхаусный фильм, мультфильм. Мультфильм висел в самом углу, но только на него сейчас продавались билеты.

Электронное табло светилось. Там, где раньше должен был быть расписан целый ряд сеансов разных фильмов, теперь значился только один мультфильм, начинавшийся через десять минут.

Рядом несколько родителей с детьми ждали входа в зал. Увидев Цзян Лэ и Вэнь Цуньина, взрослые никак особенно не отреагировали и быстро отвели взгляд. Только некоторые дети время от времени смотрели на Цзян Лэ.

Один ребёнок наклонился к уху своей матери и нарочно тихо заговорил.

Вот только этот нарочно приглушённый голос всё равно не укрылся от слуха Цзян Лэ. Он услышал, как ребёнок сказал:

— Вообще-то я хочу, чтобы этот человек стал моим папой.

Какие странные слова.

Однако на лице матери не появилось никаких изменений. Ни укора, ни недовольства. Она только посадила ребёнка к себе на колени и сунула ему в рот два зёрнышка попкорна.

— Скоро зайдём смотреть кино. Рад?

Ребёнок с улыбкой кивнул.

— Рад.

Тема сменилась так быстро, словно слова, услышанные Цзян Лэ только что, никогда не звучали.

Вэнь Цуньин слишком давно не соприкасался с современными развлечениями, поэтому даже просмотр мультфильма вызывал у него интерес. Билеты снова продавались за наличные. Они провели в кинозале больше часа.

На том же сеансе было ещё четыре-пять семей с детьми. Детям было от пяти-шести до одиннадцати-двенадцати лет. Хотя во время просмотра все внимательно смотрели на экран, губы ребёнка, сидевшего ближе всего к Цзян Лэ, всё время шевелились следом за главным героем.

Цзян Лэ понаблюдал немного и обнаружил, что движения губ ребёнка полностью совпадали с репликами главного героя. Иногда даже опережали.

Однако когда фильм закончился, родитель того ребёнка сказал ему:

— Сам всё время просился посмотреть. Теперь посмотрел, потом больше не капризничай.

С верхнего этажа вниз было видно, что сычуаньский ресторан по-прежнему открыт. Сейчас, вообще-то, обеденное время уже точно прошло. Но после кино несколько семей вместе направились к этому ресторану. Кто-то сразу вошёл, кто-то сел у дверей, словно ожидая несуществующей очереди.

Официант, который раньше держался с Цзян Лэ и Вэнь Цуньином довольно прохладно, теперь горячо приглашал гостей внутрь.

Если сейчас наступило время работы, то почему в воздухе Цзян Лэ не почувствовал ни единого запаха еды?

Они покинули торговый центр. Вэнь Цуньин посмотрел на время и сказал Цзян Лэ:

— Пора возвращаться. Потом будет время, ещё вместе погуляем, а? Я придумаю, как обменять деньги, в следующий раз я угощаю!

Сказав это, он дождался зелёного, перешёл дорогу и побежал в сторону, противоположную микрорайону.

Похоже, у Вэнь Цуньина были какие-то дела.

Цзян Лэ остался стоять на месте. По другую сторону дороги мужчина средних лет ехал на электрическом трицикле. На кузове, сложенные треугольником и накрытые тканью, лежали... арбузы?

На ткани была прикреплена жёсткая картонка, где чёрным маркером криво написали несколько слов: «Арбузы, 1 юань за цзинь».

Мужчина остановил трицикл у дороги, полотенцем вытер с лица несуществующий пот и чуть приподнял ткань, открывая угол арбузов. Зелёная кожура показалась наружу, но этот зелёный цвет был немного ненастоящий. Если присмотреться, становилось ясно: это всего лишь пластиковая модель арбуза.

— Брат Цзян.

Голос остановил Цзян Лэ, уже собиравшегося подойти и заговорить с женщиной.

Цзян Лэ обернулся. Чэнь Цин стоял перед автобусной остановкой на площади «Байда» и с улыбкой махал ему рукой.

Цзян Лэ подошёл к Чэнь Цину. Тот тепло улыбнулся:

— Я же говорил, тебя точно одобрят и впустят! Пойдём ко мне домой, пусть твоя невестка приготовит тебе что-нибудь вкусное.

Цзян Лэ не отказался и вместе с Чэнь Цином поднялся в автобус.

Водитель вёл автобус очень плавно. Даже на перекрёстках, где не было ни одного пешехода, он замедлялся, останавливался на несколько секунд и только потом снова ехал.

Тени деревьев снаружи пятнами ложились внутрь под солнцем. Через щель в окне непрерывно тянуло свежим воздухом. Цзян Лэ был вынужден признать, что когда в автобусе прозвучало объявление следующей остановки, то особое спокойствие, принадлежащее только миру до конца света, и на мгновение он тоже поддался ему.

Однако автобус проехал всего три остановки и остановился. Чэнь Цин повёл Цзян Лэ вниз. Это был другой угол внутреннего города, жилой район. Здесь уже появилось немало обладателей способностей.

Чэнь Цин привёл Цзян Лэ к себе домой. Стоило двери открыться, как в его объятия бросилась маленькая девочка с милой улыбкой и крикнула:

— Папа!

Чэнь Цин с улыбкой погладил девочку по голове.

— Вэйвэй, поздоровайся с дядей Цзян.

Девочка, которую назвали Вэйвэй, пару секунд разглядывала Цзян Лэ, затем улыбнулась.

— Дядя Цзян.

Из гостиной вышла молодая женщина. Лицо у неё было мягким. Она встала рядом с Чэнь Цином и спросила:

— Лао Чэнь, это...

— Это мой знакомый, друг. Он сегодня тоже переехал сюда. Я хотел сегодня вечером хорошенько его угостить. Называй его просто Сяо Цзян. Брат Цзян, это моя жена Цзи Шу.

Цзян Лэ сказал:

— Здравствуйте, невестка.

— Здравствуйте, — Цзи Шу сначала улыбнулась Цзян Лэ, потом напомнила Чэнь Цину: — Дома почти нет овощей. Сходи скорее купи.

Чэнь Цин спохватился:

— Вот я голова. Точно, точно, мне надо купить продуктов.

Он снова, как порыв ветра, собрался выходить. Цзи Шу легонько подтолкнула дочь и мягко спросила:

— Вэйвэй, хочешь пойти с папой погулять?

Девочка покачала головой. Она вцепилась в руку Цзи Шу, прижалась к женщине и с привязанностью сказала:

— Мама, я хочу остаться с тобой.

Цзи Шу едва заметно дёрнула уголком губ.

— Ну хорошо.

Цзян Лэ пригласили сесть на диван.

Квартира, где жил Чэнь Цин, была примерно такого же размера, как его собственная. Только следов жизни здесь было немного больше.

Цзи Шу поставила электрический чайник на журнальный столик, наклонилась и поискала в ящичке под столиком. Не найдя чая, она повернулась к дочери:

— Вэйвэй, сходи в папин кабинет, посмотри, нет ли там чая.

— Ага, — Вэйвэй взглянула на женщину и медленно пошла в кабинет, начала искать.

Цзи Шу отвела взгляд от дочери, снова улыбнулась Цзян Лэ, а в руке крепко сжимала что-то.

— Ты сегодня только вошёл в город снаружи? — тихо спросила Цзи Шу. — До этого всё время был снаружи?

— Угу, — кивнул Цзян Лэ и добавил: — Невестка, не нужно так хлопотать с чаем.

Цзи Шу чуть повысила голос:

— Нужно, нужно. Вэйвэй, нашла?

— Нет, здесь нет! — голос девочки был немного недоволен.

— Есть, поищи ещё, — мягко сказала Цзи Шу.

Вода в электрическом чайнике уже постепенно закипала. Из чайника доносился характерный шум, и в этом шуме голос Цзи Шу терялся, но всё равно долетал до ушей Цзян Лэ:

— Сейчас снаружи какая обстановка? Стало лучше или хуже?

— Нельзя сказать, лучше или хуже. Но люди уже постепенно начинают приспосабливаться, — ответил Цзян Лэ.

Цзи Шу задумалась. Затем снова спросила:

— А снаружи есть такие люди, как я?

— Какие?

— Молодые женщины, которые живут сами...

— Мама! — Вэйвэй громко крикнула за спиной Цзи Шу.

Этот внезапный голос, похоже, испугал Цзи Шу. Она прикрыла грудь рукой и обернулась. Край чайного пакетика, крепко зажатого у неё в ладони, тоже показался наружу.

Девочка уставилась на руку Цзи Шу и недовольно сказала:

— Ты нашла, почему мне не сказала? Заставила меня там столько искать.

Цзи Шу натянуто улыбнулась.

— Мама в последнее время немного забывчивая. Прости.

Девочка встретилась с ней взглядом. Лицо у Вэйвэй было бесстрастным, будто она оценивает Цзи Шу. Через мгновение она снова улыбнулась и сказала:

— Я знаю. Мама беременна, а во время беременности так бывает. Я на тебя не злюсь.

В этой странной атмосфере Цзян Лэ поднялся.

— Невестка, где здесь рынок? Я хочу посмотреть.

Вэйвэй на этот раз вызвалась сама:

— Дядя Цзян, я отведу вас.

— Хорошо, спасибо.

Девочка, подпрыгивая, повела впереди. Цзян Лэ сзади смотрел ей в спину.

Вэйвэй было как минимум семь-восемь лет. Но Цзи Шу выглядела всего на двадцать четыре-двадцать пять. Даже черты лица у матери и дочери не имели ничего общего.

Цзян Лэ заговорил:

— Вэйвэй, твоя мама очень рано тебя родила?

Вопрос был невежливым. Но Цзян Лэ считал, что сейчас не эпоха строительства цивилизованного общества, а ему действительно было очень любопытно.

Вэйвэй остановилась и повернулась к нему.

В её глазах была эмоция, принадлежащая рано повзрослевшим детям. Многие дети, пережившие конец света и прошедшие через смертельные опасности, часто смотрели таким взглядом. Только у Вэйвэй он был холоднее.

— Когда мама меня родила, ей уже было тридцать, — сказала она. — Вы хотите спросить, нынешняя мама моя настоящая мама или нет?

Ребёнок оказался прямее Цзян Лэ. Цзян Лэ тоже кивнул.

— Нет, — сказала Вэйвэй. — Нынешняя мама и нынешний папа не мои прежние родители. Мои прежние папа и мама уже умерли. Но ничего страшного. Теперь у меня есть новая семья. Мы будем здесь вечно счастливо жить, а когда внешний мир тоже восстановится, мы сможем вернуться в прежнюю жизнь.

Возможно, потому что Цзян Лэ не сразу отреагировал, Вэйвэй слегка сузила глаза:

— Дядя Цзян, вы так не думаете?

Цзян Лэ приоткрыл губы, но не сразу издал звук.

Он не хотел разбивать детскую, по-детски наивную фантазию и рассказывать ей, насколько плоха сейчас внешняя среда, как трудно людям, возможно, уже навсегда вернуться в прошлое.

Неясно, заметила ли Вэйвэй его мысли. Она отвернулась и довольно равнодушно сказала:

— Всё равно потом вы поймёте.

Они прошли между домами, пока не остановились у рынка при микрорайоне.

Снаружи рынка работали лапшичная, лавка жареной утки и лавка с готовыми маринованными закусками. Некоторые обладатели способностей делали покупки. На первом же прилавке у входа в рынок было выложено много овощей, а в мясных лавках мясо внутри тоже лежало полными рядами.

Обладатели способностей ходили между лавками, в руках у них были только что купленные овощи.

Здесь не было ни одного мутировавшего овоща. Мясо тоже выглядело как нормальное. Хотя, если говорить точно, нормальным оно тоже не было. Мясо в стеклянных витринах под красным светом выглядело настолько правдоподобно, что могло обмануть глаз, но стоило пошевелить носом, и становилось ясно: это не настоящее мясо, а куски мясных муляжей.

С овощными прилавками дело было получше. Цзян Лэ с первого взгляда понял, что часть овощей на прилавке вырастили из семян фермы. Разница между ними и вялыми овощами, выросшими из обычных семян, была слишком большой.

Чэнь Цин стоял перед овощным прилавком. Когда он держал в руках зелень, на его лице снова появилось знакомое Цзян Лэ выражение, какое бывало у него во время работы на полях. Но оно исчезло в один миг.

Вэйвэй крепко схватила Цзян Лэ за руку и не позволила ему идти внутрь рынка.

— Дядя Цзян, давайте подождём папу здесь.

Цзян Лэ слегка улыбнулся:

— Хорошо.

Вернувшись с рынка в дом Чэнь Цина, они обнаружили, что Цзи Шу уже снова ведёт себя как обычно. Она вместе с Чэнь Цином разобрала овощи, приготовила несколько простых домашних блюд, и все сели вокруг обеденного стола.

Семья из трёх человек легко и непринуждённо болтала о домашних делах. Но если прислушаться, становилось ясно: разговор всё время вращался вокруг семейной жизни. Даже когда Цзян Лэ время от времени включали в тему, всё равно речь не уходила дальше жены, детей и тёплого домашнего очага.

Семья, семья, семья. Навязчивость, с которой всё крутилось вокруг этой темы, превзошла ожидания Цзян Лэ.

Лишь когда он покинул дом Чэнь Цина и один пошёл обратно в микрорайон Бэйюань, все детали этого дня заново разложились в его голове. Тогда многие вещи стали намного яснее.

Сначала Цзян Лэ думал, что внутренний город пытается создать для жителей атмосферу спокойного жилья. Однако после наблюдений с момента входа он понял, что всё не так.

Внутренний город не просто имитировал современный образ жизни. Его имитация была настолько точной, что доходила до конкретных магазинов, конкретных мест, конкретного времени и даже конкретного сезона. Словно он намеренно оплакивал и воссоздавал какой-то отрезок жизни в чьей-то памяти.

Семьи, собранные из кусков; воспоминания, собранные из кусков. Как бы точно ни была выполнена имитация, детали всё равно выдавали абсурдность происходящего.

Ключ вошёл в замочную скважину. Дверь открылась и снова закрылась.

Цзян Лэ положил ключ на шкафчик для обуви. Он поднял руку и нажал выключатель. Раздался щелчок, но свет так и не загорелся.

В квартире было тихо и темно. Совсем не так, как в доме Чэнь Цина, где он только что был.

Впрочем, Цзян Лэ это не волновало. Он лишь перевёл взгляд на угол дивана в гостиной и сказал:

— Кажется, я не приглашал гостей к себе домой?

В тёмном углу дивана что-то шевельнулось. Затем там загорелись два змеиных глаза, похожие на лампочки. Большая змея толщиной с чашу сползла с дивана, пересекла гостиную и остановилась перед прихожей, подняв голову и уставившись на Цзян Лэ. Хвост хлестнул по полу.

— Я тоже считаюсь гостьей!? — тон был как у старшего брата из уличной банды, но голос оказался женским.

[1] Циси — китайский праздник, связанный с легендой о Пастухе и Ткачихе; его часто называют китайским Днём влюблённых

[2] KTV — формат караоке-заведения с отдельными комнатами, распространённый в Китае

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17649/1691012>